

пах их издания), а также принадлежащий перу А.С. Черкасовой обширный биографический очерк о П.А. Демидове, имеющий вполне самостоятельное значение, обычно помещаемые в начале книги перед публикацией документов, вынесены в конец. Это, конечно, право авторов, но, на мой взгляд, это создает определенные неудобства читателям.

Отдельного внимания заслуживают комментарии к документам, занимающие весьма значительное место в публикации (1/6 объема). По сути, это реальные пояснения имен, фактов, событий и т.п., которые являются важнейшим подспорьем в прочтении писем. Жаль только, что они не имеют ссылок на историографию и источники. Перед каждым комментарием к документу дана его легенда (выходные данные), хотя ее принято помещать в конце публикации каждого документа.

В.А. Воропанов. Суд и правосудие в Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Региональный аспект: Урал и Западная Сибирь (опыт сравнительно-сопоставительного анализа). Челябинск: Изд-во Челябинского института Уральской академии государственной службы, 2008. 606 с.

В полуторавековой традиции изучения правоохранительной и правоприменительной деятельности государственных учреждений Российской империи столетнюю судебную реформу и практики судопроизводства до Судебных уставов 1864 г. повезло, пожалуй, меньше всего. Подобно тому, как в истории психотерапии фигура З. Фрейда затмила предыдущее развитие этой науки, судебные преобразования Александра II негативно окрасили, задвинули в тень и фактически перечеркнули в сознании современников и потомков предшествующий юридический опыт России. В этом контексте солидная монография В.А. Воропанова в значительной степени восполняет важный пробел как в исторической науке, так и в истории российского государства и права.

Книга представляет собой результат многолетнего целенаправленного и скрупулезного труда, начатого более 15 лет назад, еще на студенческой скамье. В 2000 г. Воропанов успешно защитил кандидатскую диссертацию по судебной системе в Оренбуржье¹, в 2005 г. последовала монография на эту же тему в более широких географических рамках². Новая книга челябинского историка, продолжая прежнюю исследовательскую линию, имеет несколько существенных новаций. Помимо того, что она более чем в 2 раза превышает объем предыдущей монографии, ее аргумента-

Нельзя не отметить приложение к публикации. Оно включает в себя по преимуществу документы и переписку Берг-коллегии о разных сторонах деятельности П.А. Демидова, письма к нему голландских купцов, материалы по истории рода Хозиковых и извлечение из книги К.Д. Головшикова о роде дворян Демидовых, что существенно расширяет тематику книги и знания о личности П.А. Демидова.

В целом мы имеем квалифицированное документальное издание, значительно расширяющее наши представления об одном из виднейших русских предпринимателей, которое с интересом будет воспринято историками, и филологами, и всеми, интересующимися историей русского предпринимательства и культуры.

**А.И. Аксенов,
доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)**

тивная база строится на впечатляющем своем масштабе корпусе источников. Наряду с опубликованными и неопубликованными нормативно-правовыми и делопроизводственными материалами, хранящимися в столичных, уральских и западносибирских архивохранилищах, а также источниками личного происхождения и произведениями художественной литературы XIX в., в исследовании задействованы материалы других регионов, причем тщательно выбранных с учетом исследовательских задач. Так, для выявления специфики урало-сибирской правоприменительной практики Воропанов привлекает сопоставимые данные других, также специфических, регионов: Астраханской и Казанской губ. как национальных провинций; казачьего и активно колонизированного Южного края; отмеченной обилием однодворцев Орловской губ. и «металлургической» Тульской губ.; территорий с преобладанием частновладельческих (Ярославская губ.) и государственных (Вологодская губ.) крестьян. Всего в исследовании задействованы материалы 21 архива.

Уже на этом основании можно констатировать, что содержание книги значительно шире ее названия. Шире и хронологические рамки исследования: монография начинается с подробного обзора правоприменения с середины XVI в. и содержит экскурсы в историю судеб-

ной системы России 1860–1890-х гг. Кроме того, и это, пожалуй, наиболее существенно, российские суд и судопроизводство рассматриваются в широком контексте государственно-административных преобразований, во взаимодействии с геополитическими, социальными, экономическими, культурно-ментальными факторами. Наконец, большой заслугой автора является отход от «столичного» угла зрения, ограничивающегося анализом исключительно событий и институтов в центре и «наверху» и прибегающего к провинциальному материалу лишь в качестве вспомогательных иллюстраций, позволяющих «загримировать» петербургскую (или московскую) историю под общероссийскую. Для Воропанова важно детально выяснить взаимоотношения и взаимодействия центра и периферии, в которых провинция зачастую выступала неизвестной, своенравной и во всяком случае гораздо более активной величиной, чем принято считать.

Исследование такого масштаба требует от автора огромной научной эрудиции, которую он убедительно демонстрирует на протяжении всей книги — как в историографическом обзоре, в котором анализируется исследовательская литература, начиная с трудов приверженцев российской «государственной школы» и заканчивая современной западной и постсоветской национальной историографиями, так и в отдельных главах, в связи с нерешенными дискуссионными проблемами. Он констатирует преобладание уничижительной критики дореформенных правовых институтов в историографической традиции, унаследованной советской исторической наукой у дореволюционных историков-«государственников». Сам он от этой традиции сознательно и последовательно дистанцируется, сближаясь во взглядах с рядом современных российских (А.Н. Медушевский, Б.Н. Миронов, А.Б. Каменский) и зарубежных (прежде всего М. Раев и Дж. Бербанк) историков, для которых характерно более дифференцированное и оптимистическое видение развития России XVIII–XIX вв., вплоть до идеи формирования в России основ гражданского общества не в связи с попытками унификации судебной системы в ходе Великих реформ, а значительно раньше, в период бережного охранения этнокультурного многообразия (в том числе в правовой сфере).

В этой связи вполне логично и последовательно автор опирается на современную концепцию империи как составного государства с характерной асимметрией в отношениях господствующего центра и периферии, собственно государственной территории и внешнего окружения, рассматриваемого как потенциальное поле экспансии и инкорпорации. В этом контексте, правда, представляется не вполне убедительным и противоречащим общей авто-

рской концепции использование таких понятий как «национальная система правосудия» или «административная русификация» применительно к юридическим и управленческим феноменам до середины XIX в.

Структура монографии, состоящей из 7 глав, соответствует логике авторской постановки вопросов. Единственное замечание в отношении архитектоники книги, которое хотелось бы предъявить автору, состоит в слишком большом объеме глав (до 90 страниц) без разделения на более мелкие единицы. При информационной насыщенности весьма непростого текста более дробная структура книги облегчила бы читателю работу с ним. В первых двух главах подробно рассматривается судебная политика и институциональная история права в Московском царстве и Российской империи XVI в. — 1869 гг. В 3–6 главах история суда и судопроизводства рассказывается вдоль хронологической оси заново и в деталях, на основе анализа таких составляющих, как надзор, кадровая политика, личный состав, сословные судебные представители. Седьмая глава скрупулезно конструирует организацию государственного правосудия в национальных регионах на примере казахских жузов, причем в сопоставлении с аналогичными усилиями и процессами в Калмыкии и на Северном Кавказе (с. 525–576). В монографии подробно анализируются различные виды судов и их взаимодействие с административными структурами различных уровней, региональная и сословная специфика судопроизводства, соотношение управленческих и самоуправленческих институтов. Разобраться в перипетиях permanently видоизменявшейся, дотраивавшейся и перестраивавшейся судебной системы помогают приложения.

Высокая концентрация идей и плотность аргументации в их защиту, а также концентрическая структура текста делают невозможным их подробное изложение в тесных рамках рецензии. Более целесообразным видится обозначение тех идей автора, которые выступают опорными конструкциями его исследования. Во-первых, он показывает, что со времен формирования Московского царства как мультиэтнической империи в середине XVI в. вплоть до форсированной институциональной унификации и культурно-языковой русификации во второй половине XIX в. государственная власть бережно относилась к сохранению местных форм жизни и социокультурных традиций, предлагая, в том числе нерусским и неправославным подданным, возможность выбора между местными традиционными органами и формами суда, с одной стороны, и коронными учреждениями. Практика сочетания прямого управления с косвенным была основана на сотрудничестве с местными элитами. Наличие

подобной альтернативы сглаживало проблемы, вызываемые взяточничеством, волокитой и прочими хорошо известными пороками российского судопроизводства. В целом российская дореформенная судебная система оценивается автором как весьма гибкая и гораздо более эффективная, чем принято считать.

Во-вторых, с XVIII в. российские монархи пошли по пути рецепции римской правовой традиции, достигшей апогея в годы правления Екатерины II. В сфере администрирования и судопроизводства это означало использование опыта европейских абсолютных монархов по рациональному руководству сословными и корпоративными институтами и контролю над ними. Проблема России состояла, однако, в том, что прежде чем опереться на подобные институты, их необходимо было создать. Авторская логика весьма близка идеям «государственно обусловленного общества» в Русском государстве XVII в. и «общества как государственного мероприятия» в России XVIII в., высказанных Г.-И. Торке и Д. Гайером более трети века назад³, но, видимо, не известных Воропанову. Таким образом, формирование сословного общества было побочным продуктом государственного реформаторства, нацеленного на повышение эффективности и удобства управления населением.

В-третьих, подобная государственная практика вовсе не означала формирования асимметрии между могущественным государством и пассивным обществом. Задолго до Великих реформ органы государственного управления и сословного самоуправления находились в состоянии конкуренции, население контактировало с верховной властью с помощью права жалобы на местную администрацию, и с местными институтами как арбитрами в решении имущественных вопросов и даже разрешении семейных споров. В рамках екатерининских судебно-административных преобразований, в усеченном виде влиявших на практику судопроизводства и в первой половине XIX в., сельские и особенно городские сословия активно противились расширению компетенций бюрократии, участвовали в выборах судебных представителей, которые с достоинством и пониманием принимали на себя данный статус и полномочия.

Тем самым вкупе с повышением образовательного уровня управленцев, профессионализацией личного состава судов в первой половине XIX в. и рядом других перемен, в недрах абсолютистской государственности и сословного общества формировались и накапливались предпосылки, без которых появление на свет Судебных уставов 1864 г. было бы немислимым. Более того, по мнению Воропанова, предреформенная судебная система – этнически и сословно гетерогенная, сочетавшая

правоприменительные и административные функции и компетенции, толерантная к обычному праву – была более адекватна уровню государственно-политического развития империи и правосознания подданных, чем реформированная в направлении унификации в 1860–1890-х гг. Не случайно в последней трети XIX в. насаждение гражданского правосознания наталкивалось, прежде всего в центральных российских регионах с высоким удельным весом бывших частновладельческих крестьян, на инерцию традиционных сословных взглядов.

Воропанов неоднократно констатирует скандальную репутацию российских судов, сложившуюся к середине XIX в. в «просвещенном обществе», вызванную разрывом между их реальным состоянием и общественными ожиданиями. К сожалению, автор не стал углубляться в недостаточный проясненный вопрос о причинах этого разрыва. Не вдаваясь в детали, можно предположить, что пропасть между ожиданиями и реалиями по крайней мере отчасти была спровоцирована самим фактом перманентного интенсивного реформирования судебной системы со времен Екатерины II и сопровождавшим его властным дискурсом, мотивировавшим необходимость преобразований публичной критикой печального состояния российского судопроизводства, с применением максимального сгущения красок. Впрочем, подтверждение или опровержение подобной гипотезы требует отдельного исследования.

Читателя, решившегося ближе познакомиться с рецензируемой книгой, ожидает непростой труд. Но он окупится сторицей, если будет вызван желанием разобраться в чрезвычайно дифференцированной и гетерогенной системе российского суда и судопроизводства дореформенного столетия. Монография убедительно отвечает на длинный ряд запутанных вопросов и рисует широкое и сложное историческое полотно, в очередной раз убеждающее: крот истории роет медленно, но верно, и подгонять его бесполезно. Яркие и стремительные исторические события затмевают разнонаправленную, повседневную и поэтому незаметную коллективную работу исторических акторов, результат усилий которых приводит к неожиданному для них самих эффекту (до которого они чаще всего и не доживают). Исследование В.А. Воропанова не оставляет сомнений: тот, кто хочет понять, что происходило за кулисами «официальной» российской истории, не должен ограничиваться только «великими» событиями и исключительно столичной сценой.

И.В. Нарский,
доктор исторических наук
(Южно-Уральский государственный
университет (Челябинск))

Примечания

¹ Воропанов В.А. Сословная судебная система в Оренбургском крае (1775–1864 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2000.

² Воропанов В.А. Судебная система Российской империи на Урале и в Сибири 1780–1869 гг. Челябинск, 2005.

Миры немцев Причерноморья*

«Немцы Причерноморья и их миры» – так переводится название научной монографии германского историка русско-украинского происхождения Дмитро Мешкова, вышедшей в 2008 г. в известном германском издательстве. Книга посвящена хозяйственной жизни, социальным отношениям и демографическому развитию немецких сельскохозяйственных колоний Новороссии в период от их основания до 1871 г., когда указом Александра II по всей стране был ликвидирован колониетский статус, особое управление иностранными колониями, а колонисты стали обычными поселянами-собственниками. Уже после выхода книги в свет в переписке с рецензентом автор отметил, что сейчас бы он назвал свою книгу несколько иначе – «Жизненный мир (Lebenswelt) причерноморских немцев».

Объемный труд состоит из пространного введения, 5 глав и заключения. Текст снабжен обширным научно-справочным аппаратом. Во введении анализируется состояние историографии проблемы, излагаются применяемые методы исследования, дается подробная характеристика источников, среди которых можно выделить документы опекунских учреждений (журналы конторы опекунства, ревизские сказки, документы религиозных консисторий и общин и т.д.).

История немецкой и вообще иностранной колонизации Новороссии достаточно хорошо изучена. Чего стоит выдающаяся работа германского историка Д. Брандеса «Усыновленные царем: немецкие колонисты и балканские переселенцы в Новороссии и Бессарабии 1751–1914» (*Brandes D. Von den Zaren adoptiert. Die deutschen Kolonisten und die Balkansiedler in Neurussland und Bessarabien 1751–1914. München, 1993*). Вряд ли можно было написать что-то новое и оригинальное, оставаясь на позициях «политической истории». И Мешков, опираясь на собранный им большой материал из местных архивов, обратился к малоизвест-

³ Torke H.-J. Die staatsbedingte Gesellschaft im Moskauer Reich. Zar und Zemlja in der altrussischen Herrschaftsverfassung 1613–1689. Leiden, 1974; Geyer D. Gesellschaft als staatliche Veranstaltung. Sozialgeschichtliche Aspekte des russischen Behördenstaats im 18. Jahrhundert / Geyer D. (Hg.) Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionären Russland. Köln, 1975. S. 21–50.

ным доселе сторонам жизни немецких колонистов Причерноморья. Такой подход позволил ему совершить глубокое проникновение в повседневную жизнь колоний и колонистов, увидеть их как бы изнутри. В центре книги – колонист, точнее, малые группы колонистов (семьи, жители колоний), внутри своих сообществ (первые 2 главы) и в отношениях с внешним миром (последующие 3 главы). Для микроисторического анализа автор выбрал две колонии: лютеранскую Александергильф и католическую Кляйн-Либенталь.

В первой главе исследуется хозяйственная жизнь колонистов, динамика развития крестьянских хозяйств. Южнорусские колонисты не знали общины («мира»). Их хозяйства изначально развивались как частнособственнические, поэтому капиталистические отношения проникали в них значительно быстрее, а у хозяев было гораздо больше возможностей для реализации собственных творческих замыслов. Вместе с тем община играла важную роль в выработке общей сельскохозяйственной политики и взаимопомощи. Из многочисленных таблиц хорошо просматриваются основные тенденции развития колониетских хозяйств, их путь к процветанию. Так, статистические материалы показывают, что если в конце XVIII – начале XIX в. основную часть производимой продукции составляли лишь 1–2 растительных культуры, необходимых для внутренних потребностей, то уже к середине XIX в. в колониетских хозяйствах выращивалось 6 и более культур, а их производство носило ярко выраженный товарный характер. Аналогичная ситуация складывалась и в животноводстве.

Медленное развитие производства в первые десятилетия колонизации обуславливалось тем, что колонисты столкнулись с совершенно неизвестными им природными и климатическими условиями, коренным образом отличавшимися от условий Западной и Центральной Европы. Однако смекалка, трудолюбие, взаи-

* Myeshkov D. Die Schwarzmeerdeutschen und ihre Welten 1781–1871 / Veröffentlichungen zur Kultur und Geschichte im östlichen Europa. Band 30. Essen: Klartext Verlag, 2008. 512 S.